

## ЭТИКО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОЙ ШКОЛЫ В ОЦЕНКЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

ЧЕРНОВА Г.С.  
Республика Беларусь, г. Могилев

К середине XIX века в русском литературоведении значительное место заняла культурно-историческая школа. Исследователи не раз отмечали, что научно-историческая теория «нашла в России благоприятную почву», объясняя данный факт общественно-политическими условиями в стране, определившими, в свою очередь, особенности русской литературы. При этом было принято цитировать А.И. Герцена, который в работе «О развитии социалистических идей в России» писал, что «у народа, лишенного общественной свободы, литература – единственная трибуна, с высоты которой он заставляет услышать крик своего возмущения и совети» [1. Т. 7, с. 198]. Исходя из этих обстоятельств, делался вывод, что «идея отражения в литературе жизни общественной <...> широко распространилась в русском обществе, среди писателей и ученых» [2, с. 108]. Следует, однако, уточнить, что эта идея нашла поддержку прежде всего в кругах научной и творческой интеллигенции, оказавшейся под влиянием материалистической философии и революционно-демократических теорий. Именно для нее новым словом в литературной науке прозвучала магистерская диссертация Н.Г. Чернышевского «Эстетические отношения искусства и действительности» (1855), автор которой провозглашал приоритет действительности над искусством и делал вывод, что «идеал прекрасного есть жизнь». Из этого следовало, что искусство является объективно существующей действительностью, а его задача состоит в том, чтобы содействовать утверждению прекрасного, т.е. жизни, какой она должна быть. Подчеркнуто обществоведческий и народоведческий характер. Но самым полным, самым последовательным представителем русской культурно-исторической школы по праву считается А.Н. Пыпин.

Исходя из основополагающего принципа материалистической эстетики об объективной обусловленности искусства, он рассматривал литературу как отражение прежде всего жизни общества. «По литературе, – считал Пыпин, – мы имеем возможность судить о возрастании общественного самосознания» [3 с. VII]. Однако, несмотря на авторитет Пыпина-ученого, который особенно возрос во второй половине XIX., и его историко-литературный метод, и суждения о литературных явлениях отнюдь не все писатели и критики воспринимали как конечную истину. В этой связи интерес представляет изучение отношения к Пыпину и возглавляемой им культурно-исторической школе Ф.М. Достоевского.

Достоевский не был теоретиком литературы, но он имел свои представления об искусстве, о его целях и задачах. Эти представления складывались из непосредственного знания законов творчества, каким обладает каждый большой художник. В то же время Достоевский не мог не интересоваться достижениями современной ему литературной науки: об этом свидетельствуют его критические статьи, записные тетради, письма.

Имя Пыпина привлекло внимание Достоевского в 1860-е гг. В это время бывший профессор Петербургского университета стал публицистом и критиком журнала «Современник», разделяя и выражая идейные и эстетические позиции своего печатного органа. Характерным для советского литературоведения было утверждение, что сотрудники «Современника», и Пыпин в их числе, «резко высту-

пали против реакционной и либеральной журналистики. Особенно острой была полемика «Современника» с журналами Достоевского «Время» и «Эпоха» [4, с. 250]. Конечно, это деление изданий по принципу «прогрессивности» устарело. Но оно, в определенной мере, отражало поляризацию сил в журнальных баталиях, когда решался главный, как считал Достоевский, «вопрос об искусстве». И сам издатель «Времени», и его оппоненты понимали, что вопрос этот имел не только эстетический, но и идеологический смысл. Действительно, в русской критике споры о сущности искусства отражали философские и общественно-политические взгляды представителей различных «литературных партий». Поэтому, как справедливо заметил Б.Ф. Егоров, «тонкие и гибкие глубины искусства отнюдь не освобождали эту область от крайностей и нормативности <...> В полемике выделялись крайности: искусство на службе интересов общества – искусство независимое; искусство вторично, т. к. отражает жизнь – искусство первично, воплощая творческий гений художника и т.д.» [5, с. 12]. Отсюда и резкость суждений, и односторонность оценок, которые допускали участники полемики: Достоевский называл критиков «реалистов» «утилитаристами», поддерживающих их ученых «теоретиками»; последние, в свою очередь, относили писателя к сторонникам «чистого искусства».

В статье Достоевского «Г-н ...бов и вопрос об искусстве» (1861) можно обнаружить кардинально противоположные декларации: «искусство должно служить себе целью» [6. Т. 18, с. 48] и «искусства не современного, не соответствующего современным потребностям и совсем быть не может» [6. Т. 18, с. 101]. Поэтому сотрудники «Современника» упрекали его в «эстетизме», а друг и единомышленник писателя Ап. А. Григорьев – в уступках «теоретикам» и «утилитаристам». Сам Достоевский называл все споры о том, что важнее «тенденция» или художественность «кабинетными», «теоретическими». Как писатель, он знал, что в произведении важно «согласие идеи с формой», ибо никакой социально полезной «тенденцией» невозможно оправдать «нехудожественное» ее воплощение.

Очевидно, однако, не без влияния «теоретиков» в статьях Достоевского появился ряд важных положений. Например, его утверждение, что «искусство всегда современно и действительно, и ничем иным не может быть по своей природе» [6. Т. 18, с. 43] дает основание полагать, что писателю был известен неоднократно повторяемый Пыпиным тезис, что «литература является отражением действительности». Можно усмотреть аналогии в высказываниях писателя и ученого о соответствии форм искусства определенным эпохам общественного развития. С подачи «теоретиков», Достоевский включился в полемику по таким вопросам, как «полезность искусства» и содержание понятия «народность». Однако это были общие положения, и каждая из сторон наполняла их своим смыслом.

Вслед за Чернышевским, Пыпин доказывал, что в русских условиях «<...> литература, по всему складу жизни, получает особенную важность, как принципиальный фактор общественности» [8. Т. 4, с. 588]. Поэтому, выступая в «Современнике» в качестве критика, он рассматривал литературные явления с точки зрения общественно-значимого идеала. Соответственно назначение и пользу искусства он усматривал в воспитании общественного сознания.

Достоевский был убежден, что искусство должно ориентироваться не на относительный, т.е. исторически и социально обусловленный, а на абсолютный идеал, который он отождествлял с именем Христа. В этом смысле он понимал вечность идеала, исходя из которого следовало, по его убеждению, давать оценку художественного произведения. Можно говорить о точках соприкосновения позиций Достоевского с «эстетической критикой», которая ориентировала искусство на общечеловеческие ценности. Но необходимо иметь в виду, что «идея общечеловечности» для Достоевского была неразрывно связана с идеей христианской. С этих позиций он защищал Пушкина от нападков «теоретиков» и «утилитаристов», подчер-

кивая, что именно наличие данной идеи определило гуманистический и демократический смысл творчества поэта.

Достоевский видел общественную пользу художественного произведения в нравственно-возвышающем его влиянии на читателя. Поэтому необходимым условием искусства он считал единство содержания и высоко художественного воплощения. «Красота полезна, потому что она красота <...> Если в народе сохраняется идеал красоты и потребность ее, значит есть и потребность здоровья (нравственного. – Г.Ч.), а следовательно, тем самым, гарантировано и высшее развитие народа», – писал Достоевский [6. Т. 18, с. 101]. Спор с «Современником», таким образом, из области эстетики переходит в область идеологии. «Почвенник» Достоевский утверждает, что без ориентации на идеал Добра и Красоты русское искусство теряет свое воспитательное значение. Задачи реалистической литературы писатель, таким образом, видел не только в критическом изображении социальной жизни, но и в высокохудожественном воплощении творческого замысла, какой бы тенденцией не руководствовался автор.

В период сотрудничества с «Современником» Пыпин опубликовал ряд работ, в которых давалась негативная оценка эстетическим и, в особенности, общественно-политическим позициям Достоевского. В статье «Вопрос о национальности и панславизм» (1864) он высмеял теории славянофилов и «почвенников», назвав последних «прозелитами славянофильства». Ответ Пыпину Достоевский дал в печати значительно позже, в статье «Мечты и грезы» (1873), после публикации научного исследования «Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов. Исторические очерки». В шестой части работы, «Славянофильство», Пыпин писал об идеологах «почвенничества»: «К славянофильству примкнули новые школы, которые также говорили о «народных началах», «почве» и т.п. не имея ни таланта, ни горячего убеждения первых зачинателей учения, распространяли только пустые фразы на тему народности и более или менее явный обскурантизм» [3, с. 548]. Достоевский, разъясняя свои взгляды, отвечал: «<...> Тут, известно, есть вера в какие-то внутренние самобытные силы народа, в какие-то начала народные, совершенно личные и оригинальные, нашему народу присущие, его спасающие и поддерживающие» [6. Т. 21, с. 91]. Спор писателя с ученым, таким образом, касается проблемы «народности». «Почвенник» Достоевский обуславливает это понятие идеалом Христа, который, по его убеждению, сохраняется в народном сознании. Для «западника» Пыпина религиозность могла ассоциироваться только с народными предрассудками, которые необходимо разоблачать и изживать. Показательна в этой связи его рецензия на роман «Монахиня». Она была опубликована в «Современнике» без подписи в 1864 г. и называлась «Новый роман автора «Проклятого». По словам рецензента, героиня «Монахини» «перебывши в трех или четырех монастырях, все еще не может составить себе о них понятия <...> Очевидно и сам Лубер, вообще имевший большое пристрастие к Терезе, сомневался в ее здравом смысле» [7, с. 143].

В Записной книжке 1863-1864 гг. Достоевский с раздражением помечает: «Умственные способности Терезы плохи, потому что ходила по монастырям» [6. Т. 20, с. 171]. Писатель усмотрел выпад против религии в характеристике, которую Пыпин дал героине «Монахини». Возмущенный, он возвращается к этой теме через несколько страниц: «О монастырях (в «Современнике» разбор «Проклятого») «Глупа, потому что религиозна». Ну не дико ли это?» [6. Т. 20, с. 177].

Рецензия Пыпина послужила поводом еще для одного, весьма важного замечания, отразившего отношение Достоевского к атеистическим и революционным учениям: «Социалисты хотят переродить человека, *освободить* его, представить без Бога и без семейства. Они заключают, что изменив насильно экономический

быт его, цели достигнут. Но человек изменится не от *внешних* причин, а не иначе как от перемены *нравственной*» [6. Т. 20, с. 171].

Конечно, Достоевский, причислив Пыпина к «социалистам», отождествил просветительский рационализм ученого с революционностью Чернышевского и его единомышленников. Но эта запись свидетельствовала не только об обострившихся идеологических разногласиях писателя с демократами, но и его неприязни к «теоретику» Пыпину, которая с годами только усиливалась.

Следует отметить, что отношение «Современника» с Достоевским в 1864-1865 гг. резко обострились. Если во времена, когда в журнале работали Чернышевский и Добролюбов, тон дискуссий был сдержано-уважительный, то после них в адрес писателя допускались оскорбительные выпады. Так, М.А. Антонович в статьях «Послание к Стрижам» и «Стрижи в западне» аттестовал Достоевского «обер-стрижом». Издатель «Времени», судя по всему, готовился ответить «Современнику» и даже нашел его сотрудникам хлесткое имя – «шиши». А поскольку обязательно ответственного редактора журнала исполнял Пыпин, то Достоевский рекомендует называть его «обер-шиш господин Пыпин». Соответственно, Антоновича – «маленький шиш» [6. Т. 20, с. 187].

Смысл слова «шиш» понятен: «ничто», «фига». Но в Толковом словаре В.И. Даля обнаруживается и другое, забытое сегодня, его значение: «Шиш, шиши, шишига, шишиган – нечистый, сатана, бес, злой кикимор, домовый, нечистая сила, которая обычно поселяется в овине; овинный домовый» [9. Т. 4, с. 636]. Достоевский мог получить, по его словам, «полезные сведения» о шишах и в статье А.Н. Афанасьева «Религиозно-языческое значение избы славянина» (1851). О том, что писатель знал эту работу свидетельствует пересказ ее содержания полковником Ростаневым в повести «Село Степанчиково и его обитатели». Вспомнил он о ней и в своей статье «Г-н ...бов и вопрос об искусстве».

По Афанасьеву, *шиши* – это языческие бесы низшего разряда, домашние пакостники. Очевидно, для того, чтобы выразить враждебно-насмешливое отношение к Пыпину и его коллегам по «Современнику», Достоевский и использовал слово «шиши» в том смысле, как оно толковалось Далем и Афанасьевым. Назвав так своих оппонентов, писатель подчеркивал, что не принимает всерьез ни их идеологические, ни их эстетические установки. Это подтверждает следующая запись: «Над вами можно только смеяться, но говорить с вами серьезно нельзя» [6. Т. 20, с. 187]. Всерьез «бесами» Достоевский назовет провокаторов от революции в своем одноименном романе-предупреждении, который появится в 1871-1872 гг.

В 1864 г. прозвище «шиши», которое Достоевский дал демократам, в печать не попало. Он понимал, что это слово может быть истолковано в оскорбительном смысле, а правила корректной полемики писатель соблюдал. «Это мерзость, как бы ни было метко это прозвище. Ни за что я не стану называть обер-шишами», – останавливает он себя [6. Т. 20, с. 187].

Как отмечалось выше, в 1872 г. была опубликована работа Пыпина «Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятих годов». Ее основные положения доказывали, что глава культурно-исторической школы не изменил сложившиеся в 1860-е гг. отношения к эстетике. «Литература редко поднимается до высшего совершенства художественной красоты» и «больше примыкает к непосредственным явлениям общественной жизни и подает о них свой голос в поэтическом произведении, как в публицистике», – писал он [3, с. 1]. И это в то время, когда уже увидели свет «Преступление и наказание» и «Идиот» Достоевского, «Война и мир» Л.Н. Толстого...

Задачей филологической науки ученый считал не эстетическое изучение, а сопоставление литературы и жизни, «которое только и может указать действительное значение исторического прогресса» [3, с. 2]. Он по-прежнему требовал от

литературы «отражений целого характера общества». Поэтому Пыпин утверждал, что в середине 1830-х гг. интерес к произведениям А.С. Пушкина значительно упал. Он объяснил этот факт не тем, что читатели и критики не были готовы воспринимать реалистические тенденции в его творчестве, а тем, что «общество не встретило у него ответа на свои ближайшие вопросы». Задачам литературы отвечали произведения другого писателя – Н.В. Гоголя, которые отвечали «этому, у одних сознательному, у других инстинктивному, исканию» [3, с. 614].

В Записных тетрадях 1872-1875 гг. Достоевский весьма резко охарактеризовал автора научного исследования: «<...> Пыпин не легкомысленный, г-н Пыпин – тупица, угрюмая тупица. Что бы он прочел – это только воз с сеном – пока развалится телега. Староверы, считающие себя молодыми и новыми» [6. Т. 21, с. 254]. Конечно, такая оценка «Литературных мнений ...» субъективна, к тому же она не предназначалась для печати. Но важно, что писатель отказал Пыпину в оригинальности его собственных «литературных мнений». Он намекал на то, что они построены на «мнениях» В.Г. Белинского, написавшего еще в статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года», что в словесности выражается стремление русского общества к самосознанию» [10. Т. 8, с. 190]. И в суждениях Пыпина о Пушкине Достоевский также усматривал влияние Белинского, который, как известно, с негативным оттенком оценивал Пушкина как «поэта-художника», который «больше ничем не мог быть по своей натуре», а главой нового направления в литературе, соответствовавшего задачам и потребностям времени, называл Гоголя.

Достоевский высоко ценил Гоголя, признавая его влияние на писателей своего поколения. Но автора «Евгения Онегина» он считал «величайшим национальным поэтом (а в будущем и народным в буквальном смысле слова)». В Пушкине он видел гениального художника, чье творчество соответствовало его, Достоевского, представлениям о высоком искусстве, сочетающем идеи Добра с красотой формы. Именно Пушкина он называл выразителем черт русского национального сознания. Эти мысли Достоевский разовьет на открытии памятника поэту в Москве, 20 июня 1880 г. Показательна реакция Пыпина на выступление писателя: «Достоевский в знаменательной речи на Пушкинском празднике, в восторженном, хотя и запутанном панегирике, изображал Пушкина не только как великого поэта, но и как общественного моралиста» [8. Т. 4, с. 588-589].

Недооценку Пушкина критиками-демократами и представителями культурно-исторической школы Достоевский объяснял их «западническими» убеждениями. Понять национального русского поэта, считал он, может только русский ученый. Еще в 1864 г. он отметил: «У них («теоретиков». – Г.Ч.) великий аргумент, что наука общечеловечна, и не национальна. Вздор, наука везде и всегда была в высшей степени национальна» [6. Т. 20, с. 177]. К этой теме Достоевский вернулся в статье «Мечты и грезы»: «Человек идеи и науки самостоятельной, человек самостоятельно деловой образуется лишь долгою самостоятельной жизнью нации, вековым многострадальным трудом ее, образуется всею историческою жизнью страны» [6. Т. 21, с. 93].

В русской культурно-исторической школе Достоевский не без основания усматривал влияние западной филологической науки. Поэтому он упрекал Пыпина в том, что он «не видит и не слышит и не примечает твердые и самостоятельные начала, присущие народу русскому» [6. Т. 21, с. 91-92]. Неспособность понять и принять «западником» Пыпиным народный идеал приводит его, по убеждению автора статьи, к тому, что он оценивает литературные явления на одном уровне: социально-историческом, игнорируя вневременной, нравственно-этический их смысл и эстетическое значение. Следует подчеркнуть, что подобная практика отношения к творчеству того или иного писателя долгое время сохранялась в советском литературоведении.

Сегодня не все суждения Достоевского о современной ему литературной науке следует расценивать как бесспорные: зачастую они определялись не только эстетическими, но и идеологическими позициями романиста. Однако его писательская практика помогала избегать крайностей, которые демонстрировали сторонники культурно-исторической школы в дискуссиях о роли в искусстве «этики» и «эстетики». К тому же призывая рассматривать художественные произведения в двух аспектах: конкретно-историческом и вневременном, Достоевский, фактически, сам вносил важный вклад в развитие русской филологии.

#### Примечания

1. Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. – М., 1956.
2. Гришунин А.Л. Культурно-историческая школа // Академические школы в русском литературоведении. – М., изд. Наука, 1976. – С. 101-201.
3. Пыпин А.Н. Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов. Исторические очерки. СПб., изд. Колос, 1909.
4. Русская периодическая печать. 1702-1894 гг. – М., изд. политической литературы, 1959.
5. Егоров Б.Ф. Борьба эстетических идей в России 1860-х годов. – Л., изд. Наука, 1991.
6. Достоевский Ф.М. Полн.собр.соч.: В 30 т. – Л., изд. Наука, 1972-1989.
7. Пыпин А.Н. Новый роман автора «Проклятого» // Современник. – 1864. – № 6. отд. II. С. 141-156.
8. Пыпин А.Н. История русской литературы: в 4 т. – СПб., 1907-1911.
9. Даль В. Толковый словарь живого русского языка: В 4 т. – М., изд. Русский язык. – 1981-1982.
10. Белинский В.Г. Собр. соч.: В 9 т. – М., изд. Художественная литература, 1976-1982.